

СКОПИНСКИЙ ПОМЯНИК

Воспоминания
Дмитрия Ивановича Журавлева

Издательский дом Высшей школы экономики
Москва 2015

УДК 82-94
ББК 63.3(2)-7
С44

Подготовка текста, предисловие, комментарии
Г.В. Зыковой и Е.Н. Пенской

С44 Скопинский помяник. Воспоминания Дмитрия Ивановича Журавлева [Текст] / Д.И. Журавлев; подгот. текста, предисл., коммент. Г. В. Зыковой, Е. Н. Пенской ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. — 384 с. + 16 с. вкл. — 500 экз. — ISBN 978-5-7598-1263-0 (в пер.).

Предлагаемые воспоминания — документ, в подробностях восстанавливающий жизнь и быт семьи в Скопине и Скопинском уезде Рязанской губернии в XIX — начале XX в. Автор Дмитрий Иванович Журавлев (1901–1979), физик, профессор института землеустройства, принадлежал к старинному роду рязанского духовенства.

На страницах книги среди близких автору людей упоминаются его племянница Анна Ивановна Журавлева, историк русской литературы XIX в., профессор Московского университета, и ее муж, выдающийся поэт Всеволод Николаевич Некрасов.

Книга предназначена всем, кто интересуется прошлым русской провинции и историей повседневности.

УДК 82-94
ББК 63.3(2)-7

ISBN 978-5-7598-1263-0

© Наследники Д. И. Журавлева:
Зыкова Г.В., Пенская Е.Н., 2015
© Предисловие, комментарии.
Зыкова Г.В., Пенская Е.Н., 2015
© Фотографии. Стигнеев В.Т.,
Серегин А.В., 2015
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2015

Содержание

Г.В. Зыкова, Е.Н. Пенская.

Дмитрий Иванович Журавлев и его воспоминания	6
Глава первая. Родословная	33
Глава вторая. Журавинка. Детство Ивана Дмитриевича Журавлева. Духовное училище в Скопине	47
Глава третья. РДС.....	59
Глава четвертая. Последние годы в Журавинке.....	77
Глава пятая. Поездки в Лавру.....	91
Глава шестая. Свадьба	101
Глава седьмая. Скопин	123
Глава восьмая. Смерть мамы. Тетя.....	139
Глава девятая. Папа. Школы. Знакомства.....	155
Глава десятая. Папа. В церкви.....	163
Глава одиннадцатая. Папа. Духовная жизнь.....	177
Глава двенадцатая. Детство. Старая квартира	189
Глава тринадцатая. Будни	213
Глава четырнадцатая. Праздники	227
Глава пятнадцатая. Ученье	241
Глава шестнадцатая. Сад	253
Глава семнадцатая. Конец Журавинки.....	267
Глава восемнадцатая. Школьные годы	279
Глава девятнадцатая. Новый дом	343
Глава двадцатая. Пчела. Конец.....	363
Приложение. М.В. Левитов. Народ и духовенство	369

*Памяти
Анны Ивановны
Журавлевой*

свечи рязанские
их череда череда

и передача

в общем Рязань через Аньку
всё через Аньку

встретили нас

вообще Рязань
дальше

Вс. Некрасов

Дмитрий Иванович Журавлев и его воспоминания

Машинопись воспоминаний Дмитрия Ивановича Журавлева сохранилась в архиве его племянницы Анны Ивановны Журавлевой (1938–2009), историка русской литературы XIX в., профессора Московского университета. Одна из главных работ А.И. Журавлевой, монография об А.Н. Островском¹, открывается посвящением Д.И. и Е.И. Журавлевым. Позднее Анна Ивановна так объясняла неразрывную связь своей академической биографии и житейской:

Я из незапамятно старой семьи духовенства, со спокойной, неагрессивной верой. Самая мной любимая из моих книг, «А.Н. Островский — комедиограф», совсем не случайно посвящена памяти Дмитрия Ивановича и Екатерины Ивановны Журавлевых — мамы и ее брата, заменившего мне отца от самого моего рождения. Это были люди, у которых вера была светлая, активно добрая, как и у Островского, открывающего своим читателям возможность жить, а не погибать в мире².

А вот как она объясняла, почему студенткой пошла в Лермонтовский семинар (творчество Лермонтова навсегда стало одной из главных тем ее филологических занятий):

Лермонтов был любимым поэт моих воспитателей — дяди, мамы и дедушки, а до того — моей бабушки, которая умерла в 28 лет, когда маме было 4 месяца, а дяде 2 года. Большой ярко-голубой бабушкин одностомник Лермонтова мы возили с собой в эвакуацию. Других книг (кроме, конечно, дедушкиного Евангелия) у нас с собой, как я помню, конечно, не было <...>³ Дядя <...> заметил мне, что

¹ Журавлева А.И. А.Н. Островский — комедиограф. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981.

² Журавлева А.И. За нами тигры стоят (Интервью) // Русский Журнал. Ежегодник 2000–2001. М.: Три квадрата, 2001. С. 39–49. См. также на персональном сайте А.И. Журавлевой и Вс. Н. Некрасова: <vsevolod-nekrasov.ru>.

³ Все купюры здесь и при публикации основного корпуса воспоминаний Д.И. Журавлева обозначены значком <...>.

в университете надо выбрать для спецсеминара прежде всего руководителя⁴. А тут так счастливо совпало, что и тема была интересная⁵.

Свою последнюю книгу А.И. Журавлева назвала «Кое-что из былого и дум»⁶, и это, на первый взгляд, странно: явно мемуарного в ней нет (в книгу вошли статьи о русской литературе), и работ, специально посвященных А.И. Герцену, тоже нет. Видимо, в этом выборе названия сказалось, может быть, и не вполне ясным для самой Журавлевой образом, влияние Дмитрия Ивановича, для которого воспоминания были очень важны, а «Былое и думы» он, судя по ряду свидетельств, считал для себя в некоторых отношениях образцом. Среди бумаг Журавлева конца 1970-х годов сохранился листок со словами из «Былого и дум»:

*А.И. Журавлева,
1950-е годы*

Письма — больше, чем воспоминания, на них запечатлелась кровь событий, это — само прошедшее, как оно было, задержанное и нетленное.

Эта фраза многое объясняет в воспоминаниях самого Журавлева: например, то, почему он часто включает в свой текст документы разного рода — от официальной купчей до писем от близких людей⁷. Слова Герцена о «задержанном и нетленном» прошлом наверняка читались Журавлевым как свои собственные.

В семью Журавлева в то время, когда он писал воспоминания, кроме филолога А.И. Журавлевой, входил еще один человек, чья деятельность осталась в истории русской культуры: зять, поэт Все-

⁴ Руководителем Лермонтовского семинара был В.Н. Турбин (1927–1993).

⁵ Журавлева А.И. Семинар был уже легендарным // Время, оставшееся с нами: Филологический факультет в 1955–1960 гг. Воспоминания выпускников. М.: МАКС Пресс, 2006. С. 61–64.

⁶ См.: Журавлева А.И. Кое-что из былого и дум: О русской литературе XIX века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2013.

⁷ В настоящее издание некоторые из писем не вошли.

волод Николаевич Некрасов (1934–2009)⁸. Его имя — Сева — встречается на полях воспоминаний, а у самого Некрасова есть стихи о «дяде», с которым он прожил в одном доме 10 лет.

* * *

Сейчас осталось совсем мало тех, кто знал Журавлева, — университетские друзья Анны Ивановны, ранние ее ученики и ученики самого Дмитрия Ивановича: выпускники института землеустройства. Они запомнили его черты — неподдельную заинтересованность в каждом, независимо от возраста и образования, внимание и сосредоточенную собранность, тонкую ироничность, доброжелательную остроту и цепкость взгляда (что хорошо заметно на сохранившихся фотографиях).

Семья Ани — это истинная демократическая (не в современном, а в старом смысле слова, включающем происхождение и нравственные ценности) русская интеллигенция <...> Ученый-физик, прекрасный педагог, он любил и знал литературу, историю и философию так, как будто он был специалистом в этих областях знания <...> У них была домработница Нюра, молодая девушка, недавно приехавшая из деревни. Делать (готовить) она тогда ничего не умела, но это никого не раздражало, все старались ей помочь. Мама и дядя направили ее учиться в вечернюю школу рабочей молодежи и внимательно следили (особенно дядя) за ее учебой. Школу Нюра благополучно закончила и встретила там своего будущего мужа, хорошего человека⁹.

Дмитрий Иванович Журавлев (30 мая 1901, Раненбург Рязанской губ. — 15 июня 1979, Москва) родился в семье священника Пятницкой церкви города Скопина. Его мать, урожденная Левитова, — дочь протоиерея соборной Троицкой церкви в городе Раненбурге. Семьи Журавлевых и Левитовых хотя и принадлежали к одному сословию, но были очень разными по культурным и бытовым привычкам: дед Дмитрий Журавлев — деревенский дьякон, Левитовы — обеспеченные, «городские». Среди дядьев Левитовых

⁸ Женился на А.И. Журавлевой в 1967 г.

⁹ Жуковская Е.Е. Вспоминая Аню Журавлеву // Памяти Анны Ивановны Журавлевой. М.: Три квадрата, 2012. С. 28–29.

люди с высшим образованием. Замужем Анна Васильевна Левитова прожила всего пять лет: умерла совсем молодой в 1904 г. от брюшного тифа, оставив троих маленьких детей.

Вдовцу не было еще и тридцати; с дочерью и младшим сыном (старший, Сережа, умер в 1913 г.) Иван Дмитриевич Журавлев — о. Иоанн — прожил всю оставшуюся жизнь (умер в 1956 г.). Незадолго до смерти сестры, Екатерины Ивановны, в апреле 1979 г., Дмитрий Иванович вспомнил их общее решение — не расставаться, принятое еще в студенческие годы:

...Как бы ее судьба ни сложилась, она всегда будет самым близким человеком. Это ее очень тронуло, и со слезами на глазах, как очень глубокое личное переживание, никому никогда не высказанное, она — не решаясь сразу — открыла мне, что тогда же осознала — и я для нее на всю жизнь останусь самым близким человеком. Так и было...

В начале 1920-х годов брат и сестра уехали в Москву учиться, о. Иоанн остался служить. Но в начале 1930-х годов семья опять соединилась в Москве: оставаться в Скопине о. Иоанну было опасно, его арестовывали (правда, почему-то отпустили), дом и пасеку отобрали...

Незадолго до ареста о. Иоанн был награжден «палицею», наградной документ подписан весной 1930 г. Авраамием, епископом Скопинским, заместителем Патриаршего Местоблюстителя, Высокопреосвященнейшего Петра, митрополита Крутицкого¹⁰. Сам священномученик Петр (Полянский) с 1925 г. в тюрьмах и в тяжелом изгнании (в августе его опять арестуют, в 1937 г. расстреляют).

Перед отъездом о. Иоанн снял с себя сан. Сохранилось прощальное обращение прихожан к нему, под ним полсотни подписей:

Оглядывая это долгое время, что вы с нами, мы не вправе не отметить Ваших прекрасных качеств как пастыря и человека. Несмотря на Ваше раннее вдовство, Ваша жизнь была, есть и, надеемся, будет образом нравственности и чистоты. Несмотря на материальное оскудение прихода и в особенности в тяжелой памяти 1920–1921 и

¹⁰ См. подробнее: *Цыпин В.* История русской церкви, 1917–1997. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997.

1922 годы, Вы показали себя нестяжательным и снисходительным к бедности Ваших прихожан... Взгляните, глубокоуважаемый батюшка, на святое изображение проповедника покаяния пустыни Иорданской, Святое имя которого Вы носите, пусть оно напомнит Вам, какое трудное время переживает ныне церковь Христова, пусть поддержит и вдохновит Вас в твердом стоянии в истинах православия, что к слову сказать, Вами с честью выполнено во время начала печальной памяти обновленчества <...> Смеем уверить Вас, что эти краткие слова не могут выразить и одной самой малой доли Ваших качеств; они навсегда запечатлеются в благодарных сердцах Ваших прихожан...

Учился Журавлев на физмате I МГУ, в 1922–1928 гг., по специальности «вакуум-радиотехника»¹¹; с 1924 г. работал в лаборатории специальных проектов по электромагнитным колебаниям, с 1928 г. — техник авиационного отдела Научного автотракторного института, потом — лаборант, старший лаборант, инженер физико-химического отдела Научного автотракторного института (НАТИ), в 1930–1931 гг. — руководитель группы физических констант; «занимался вопросами исследования моторных топлив — основные работы по взаимной растворимости топлив и давлению их паров» (из автобиографии). В 1932 г. «по состоянию здоровья в связи с профессиональными вредностями» перешел в физико-техническую лабораторию Всесоюзного научно-исследовательского теплотехнического института им. Дзержинского (инженер, потом старший научный сотрудник); «основные вопросы научно-исследовательской деятельности — исследование свойств водяного пара, новых рабочих тел силовых установок и вопросы, связанные с сепарацией влажного пара». Весной 1940 г. с промежутком всего в два месяца защищает на физическом факультете МГУ кандидатскую («Диэлектрическая постоянная эмульсий и водяного пара») и докторскую («Исследования в области агрегатных состояний») диссертации. В научных библиотеках, насколько удалось выяснить, докторская диссертация не сохранилась (кандидатская есть в библиотеке физического факуль-

¹¹ Диплом «Изучение электронных колебаний в катодной лампе при изменении параметров внешнего контура» написан под руководством проф. В.И. Романова, директора Института физики и кристаллографии.

Е.И. Журавлева (вторая слева) и Д.И. Журавлев (крайний справа вверху) среди друзей-студентов. Москва, 1920-е годы

тета МГУ), возможно, из-за секретности темы (топливо), а может быть, из-за того, что архив МГУ во время войны был эвакуирован в Ашхабад и находился в плохом состоянии. Собственный, «единственный сохранившийся»¹², по мнению автора, экземпляр диссертации он, судя по дневниковой записи, выбросил незадолго до смерти (устарела? или дело в том, что главным своим трудом Дмитрий Иванович тогда, видимо, считал воспоминания?). Область научных интересов — технические (инженерно-физические) науки, и защищать диссертации по этой тематике было, казалось бы, более естественно в инженерных вузах вроде МВТУ, МАИ, МЭИ. Но в Московском университете в 1920–1930-х годах этим тоже занимались, и прежде всего — научный руководитель Журавлева,

¹² На самом деле экземпляр есть в Государственном архиве Российской Федерации: ГАРФ. Ф. 246 (ВАК). Оп. 1. № 27926 (Журавлев Дмитрий Иванович. 1940).

Александр Саввич Предводителев (1891–1973), с 1932 г. профессор, заведующий кафедрой молекулярных и тепловых явлений (позднее — молекулярной физики), которую он возглавлял в течение 40 лет, с 1937 г. декан (сохранил пост до 1956 г.). Предводителев занимался многими вещами, но основные его интересы были как раз в области теплотехники. Сейчас оценки роли Предводителева в истории науки колеблются от прямых и жестких обвинений в разгроме факультета и изгнании крупнейших ученых до полного оправдания. Есть и историки, считающие, что Предводителев, человек талантливый, хотя и не очень образованный, не был ни злодеем, ни послушным винтиком советской административной машины¹³.

«В разгар собственных самоопределений и поиска более прочного положения» (слова из дневника Журавлева) Предводителев помогал и покровительствовал молодому специалисту, о чем свидетельствуют официальные лестные характеристики; именно «у Предводителева» Журавлев защитил докторскую почти сразу после кандидатской. Предводителев и Журавлев оба были рязанцы, оба из духовного сословия (правда, Предводителев из совсем бедной семьи); возможно, их общение было не только профессиональным. По крайней мере, Журавлев сделал для себя выпуск из не опубликованной еще тогда «документальной повести» Предводителева:

Настанет время, когда биографии и в особенности автобиографии перестанут быть предметом любопытства, а станут объектом научного исследования с целью отыскания принципов психологического развития человека <...> Автобиографиям нужно доверять и их можно изучать, так как пишущий автобиографию руководствуется не спросом на его труд, а своим внутренним побуждением, желанием раскрыть свое «я» перед собой и другими с целью принести этим пользу <...> В некоторых местах моей автобиографиче-

¹³ См. подробнее: *Горелик Г.* Физика университетская и академическая, или Наука в сильном социальном поле // *Знание — Сила.* 1993. № 6. С. 12–16; *Он же.* Москва, физика, 1937 год // *Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР.* М.: Наука, 1995. С. 54–75. Пользуемся случаем поблагодарить Геннадия Ефимовича за консультации в области истории науки.

ской повести я с увлечением философствую, и в этом не старался себя ограничивать, потому что некоторые практические вопросы и теперь болезненно тревожат мое сердце и разум¹⁴.

Журавлев сохраняет газетную вырезку («Известия», 1965, 27 февраля), где сообщается о передаче «Автобиографической повести» Предводителя в рукописный отдел Ленинской библиотеки и в Рязанский краеведческий музей. К этой вырезке подклеено рассуждение о религиозной природе физики, слышанное от Предводителя. О ком-то из своих наставников Предводители отозвался:

Трудно охарактеризовать совокупность интересов *имярек*, не имевших отношение к математике, физике, механике. Он универсал, знает очень многое <...> Вся совокупность его знаний — это единое целое, где главное место занимают память и вера <...> Вера в то, что есть смысл нашего бытия. А вообще, неверующих физиков можно пересчитать на пальцах.

В 1940 г. Предводители, однако, не оставил своего ученика на факультете, но дал хорошую рекомендацию для участия в конкурсе на замещение вакантной должности заведующего кафедрой физики в Московском институте землеустройства (МИЗ).

Судя по публикациям, вскоре после защиты докторской Журавлев резко изменил характер своих научных интересов и профессиональных занятий. Возглавив кафедру физики в МИЗ (в этом же 1940 г. утверждён в звании профессора), он с этих пор занимается почти исключительно преподаванием¹⁵, а печатает в основном методические пособия, прекратив сотрудничество с теплотехническим НИИ. Немногочисленные научные работы в последующие годы посвящены, с точки зрения неспециалиста, совершенно новой для него теме — «вопросам рефракции в атмосфере применительно к нуждам геодезии» (автобиография). Было ли это естественной эволюцией или Журавлев отказался от работы над засекре-

¹⁴ Опубликовано: Базаров И.П., Соловьев А.А. Александр Саввич Предводители. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. С. 3–33, 145–158.

¹⁵ Дмитрий Иванович и до того имел педагогический опыт: с октября 1939 г. по октябрь 1940 г. — доцент кафедры общей физики физического факультета МГУ.

ченными темами и тем самым практически и от работы физика-экспериментатора как таковой, был ли этот отказ связан с тяжелыми переживаниями — свидетельств нет. Если доверять оценкам официальных документов, да и судить, насколько это возможно, просто по количеству публикаций, свои способности к физике Журавлев реализовал именно в 1920–1930-х годах. В характеристике для наградного листа 1952 г., в карьерном отношении итоговой, как главное достижение названы именно ранние работы — хотя, может быть, и потому, что они имели очевидный практический смысл:

Работы по свойствам моторных топлив вошли в монографическую литературу и широко использованы в промышленности (в частности, разработанный прибор по измерению давления пара был введен в качестве стандартного). Работы по свойствам рабочих тел используются в различных областях техники.

Московский институт землеустройства¹⁶ — один из старейших институтов России (Константиновская землемерная школа учреждена в 1779 г.), необходимый для огромной аграрной страны. Одним из первых директоров был С.Т. Аксаков, наладивший не только техническое, но и подлинное гуманитарное образование (здесь до сих пор проходят Аксаковские чтения). Перед революцией институт получил статус императорского, а вскоре после нее был в очередной раз переименован — в Московский межевой институт (ММИ). Короткое процветание закончилось уже в 1930 г.: ММИ был передан в ведение Наркомзема и тогда же разделен на два вуза: Московский геодезический (МИИГАиК) и Московский институт землеустройства (МИЗ). Некогда сильная и славная школа должна была строиться практически заново.

Возглавив кафедру физики, Журавлев обсуждал с руководством серьезные планы научного развития института, которым не суждено было осуществиться. В октябре 1941 г. началась эвакуация. Студенты-немосквичи, группа профессоров и преподавателей были отправлены в Петропавловск (Казахстан). Выехали из Москвы 1 ноября 1941 г. — до Егорьевска на пригородном поезде, далее до Шатуры на узкоколейных открытых платформах, на поезде

¹⁶ С 1991 г. Государственный университет по землеустройству (ГУЗ).

до Мурома, от Мурома до Петропавловска в холодных товарных вагонах. Поезд часто останавливался, пропуская эшелоны на фронт, приехали в последних числах декабря. Петропавловск встретил 47-градусными морозами, пронизывающим ветром. В январе пробовали наладить занятия, но в неотапливаемом помещении землеустроительного техникума это было практически невозможно. К весне полностью износилась обувь, не выдержавшая вязкой глины Петропавловска. Местное начальство организовало закупку ботинок на деревянной подошве. Почти голодали: нужно было самостоятельно добывать еду по ценам гораздо выше московских. Между тем к Журавлеву выехала семья — пожилой отец, сестра с трехлетним ребенком и девушка-домработница, находившаяся на иждивении. Дмитрий Иванович несколько раз в неделю отправляет начальству института письма с настоятельной просьбой вернуть его как можно скорее в Москву: физические условия в Петропавловске не пригодны для жизни; из-за отсутствия научной литературы, лабораторного оборудования занятия велись на школьном уровне. Эвакуация продолжалась почти два года.

Готовя к изданию воспоминания Журавлева, мы прошли его обычной дорогой к институту — по Старой Басманной, Демидовскому переулку, к «усадеб» Демидовых на улице Казакова (бывший Гороховский переулок). Близость Курского вокзала создает оживленную суету на улице, а в старинном здании с двухметровыми стенами — негородское спокойствие, умиротворенность. Подновленное к юбилеям здание, яркий желто-белый фасад, часовня Св. Елены и Константина прямо в парадной части вестибюля за бархатной темно-бордовой шторкой с броской надписью «Вытирайте ноги». Огромный черный бронзовый памятник «Землеустроителю России» во внутреннем дворе... В университетском музее, уже закрывавшемся, нас встретили неприветливо: рабочий день закончился, и меньше всего здесь ждали посторонних посетителей. Но имя Дмитрия Ивановича внезапно поменяло настроение. Подарили книгу, где о Журавлеве сказано:

Факультет земельного кадастра. В первые годы советской власти в Межевом институте физика не преподавалась: кафедра физики была создана в МИИЗ в 1930 г. <...> С 1940 по 1963 г. кафедру возглавлял талантливый педагог профессор Д.И. Журавлев, при-

Д.И. Журавлев, 1950-е годы

ложивший немало усилий для создания курса физики для землеустроителей и геодезистов. Им был организован современный для того времени лабораторный практикум, включающий до 50 работ. Под его руководством подготовлены методические указания к выполнению лабораторных работ для студентов землеустроительной и геодезической специальностей, новые лекционно-демонстративные опыты <...> Провел фундаментальные научные исследования, основанные на аналогии явлений электродинамики и термодинамики в структуре математического описания процессов. Он модернизировал рефрактометр и сконструировал оборудование для определения кардинальных точек и плоскостей оптической системы¹⁷.

В 1963 г. Журавлев вышел на пенсию: сразу, как только стало возможно. Время и силы нужны были для других занятий. Приведение в порядок своего «умственного хозяйства», архива, впервые за всю жизнь — устройство собственного быта. С этого момента

¹⁷ От землемерной школы до университета. Очерки истории ГИЗ за 1779–2004 годы. М.: КолосС, 2004. С. 394.

Журавлев называет себя свободным человеком. Как оказалось, на всю эту деятельную свободу отпущено было не многим больше полутора десятилетий.

Дмитрий Иванович утверждал (хотя и не пояснял этого сколько-нибудь подробно), что начиная с 1940-х годов основным предметом его интеллектуальных интересов стала «практическая философия». К области «практической философии», видимо, относилась, кроме преподавания, работа над воспоминаниями (сохранились также наброски трактата этико-религиозного характера — в отличие от воспоминаний, этот текст, насколько мы можем судить, читателей не имел и в семье не обсуждался).

* * *

Публикуемые воспоминания посвящены в основном семейной жизни духовенства Рязанской губернии в XIX — начале XX в. Они основаны не только на собственных впечатлениях автора, но и на рассказах родных, на хранившихся в семье письменных свидетельствах о прошлом. Последовательно прописанное повествование доведено до 1914 г., когда «болезнь и смерть» любимого старшего брата Сережи «положила резкую границу между счастливым радостным детством и всей последующей тяжелой жизнью». О последующих событиях Дмитрий Иванович вспоминать был не склонен.

Ценно прежде всего подробное описание повседневной жизни. И в этом отношении воспоминания вроде бы не уникальны: мемуарные свидетельства о провинциальном быте, в том числе быте духовенства, в последнее время обнаруживаются и печатаются все чаще и охотнее. Но воспоминаний именно о Скопине и уезде, хоть сколько-нибудь подробных, кажется, почти нет, по крайней мере, среди опубликованного.

Что касается достоверности, то предлагаемые воспоминания вполне точны там, где автор опирается на собственные впечатления и семейные документы. Там, где передаются чужие рассказы (например, отца о Рязанской семинарии или о жизни в Скопине в 1920-х годах), приходилось встречать довольно существенные расхождения с другими свидетельствами.

Комментируя текст, мы иногда находили случаи — и пока трудно определить их общее число, — когда некоторые сведения, кото-

рые сообщает Журавлев, явно точнее сведений из печатных источников. Это связано прежде всего с историей семьи. Среди родни Журавлевых—Левитовых были известные люди, иерархи церкви; и в их опубликованных биографиях есть и ошибки, и пробелы, которые снимает, например, Помянник¹⁸ о. Иоанна¹⁹.

* * *

Первые завершенные фрагменты (параграфы, главы) воспоминаний датированы второй половиной 1960-х годов, но многое в них основано на старых записях (самые ранние сделаны в 1914 г., когда после смерти любимого брата составлена хроника его болезни, и в 1944 г., в сороковую годовщину смерти матери). Журавлев писал, пока были силы, — до конца 1970-х годов. Насколько сам автор считал текст завершенным, мы не знаем. Беловая машинопись содержит пронумерованные главы, но есть и рукописные довольно пространственные записи, тоже беловые, но почему-то не перепечатанные.

На работу над воспоминаниями, видимо, повлияли историко-литературные занятия А.И. Журавлевой в 1960–1970-х годах: в личных бумагах остались записи, показывающие, как Дмитрий Иванович помогал племяннице собирать, в частности, материалы для комментариев к изданию статей Ап. Григорьева. Сохранилось очень много выписок из самых разных источников: русская и западная классика, история, философия, публицистика; их внутрен-

¹⁸ В помянник записывают имена для поминовения в молитвах, имена как живых, так и мертвых. В семейном Помяннике Журавлевых, заполнявшемся о. Иоанном, указываются даты жизни людей, поминаемых в молитвах.

¹⁹ Например, о наместнике Троице-Сергиевой Лавры о. Павле (Глебо-ве) почему-то обычно сообщается (в том числе и в некрологе), что его отец (прадед Дмитрия Ивановича) был «дьяконом города Скопина». На самом деле Иван Корнев был дьячком с. Корневого. Дата смерти брата о. Павла, архимандрита Феофана, наместника Саввино-Сторожевского монастыря и настоятеля Борисоглебского Дмитровского монастыря, известна именно по Помяннику и приведена в воспоминаниях (некролог пока не найден, а на сохранившейся надгробной плите фрагмент с указанием года смерти утрачен). О происхождении матери Евгении (Екатерины Алексеевны Виноградовой), известной последней игуменьи кремлевского Вознесенского монастыря, родственницы Журавлевых—Левитовых, вообще нигде не упоминается. И это только то, что сразу заметно.

И.Д. Журавлев, 1950-е годы

няя осмысленная систематизация очевидна. Как историк и редактор Журавлев начинает обращаться и с тем, что писал он сам: в рукописях везде заметны следы вмешательства в собственные тексты, написанные в разное время, независимо от их назначения, уточнения, самопроверка. В одной из записок, адресованных племяннице летом 1962 г., он сформулировал свои принципы работы над текстом. Записка касается сугубо конкретного случая, но вместе с тем в ней прочитывается некая общая формула:

Вообще-то мы с тобой пишем по-разному. В начале у тебя дана исходная мысль трактата. Теперь я бы написал от начала до конца развертывание основной мысли без детализировки конспективно. А затем стал бы дополнять, разрабатывать, обосновывать отдельные части. Композиция целого была бы читателю ясна даже в том случае, если до конца не все доведено.

В тексте воспоминаний записи не только датируются: часто «на полях» сообщается, что происходит в семье в то время, когда автор начинает или заканчивает работу над очередной частью воспоминаний.

наний. Таким образом события далекого прошлого соотносятся с 1960–1970 гг. Читатель может принять это за технические пометы, случайно попавшие в окончательный текст, но так проявляется, видимо, существенная особенность мышления.

Автор привык вести дневниковые записи, особенно много их осталось именно от 1950–1970-х годов. В основном это «садовые» дневники, компактные «памятные книжицы», практичные и функциональные, по ним можно в самых мелких подробностях восстановить бытовую сторону жизни: чертежи и разметки построек, грядок и клумб, перечни посадок, инвентаря, удобрений, рецепты заготовок, списки диковинных названий, расходы, неперенные «сводки погоды» в течение дня, приезды-отъезды родных и знакомых...

Воспоминания Журавлева, при всей их структурной последовательности, психологическом минимализме, отчасти сохраняют характер дневника, в них уживаются и свободно перетекают друг в друга разные пласты исторического времени. В дневниках это ощутимо визуально, выделено графически: красным цветом, как правило, обозначена очередная годовщина смерти, день памяти, и только после этой «настройки» следует повседневный отчет. История личная, малая и большая. Эта последняя присутствует не прокомментированным фоном, безличной сводкой, регистрируется:

12 апреля Гагарин полетел в космос; 22 ноября, пятница 1963 г. Умерла Маша Кормильцева, последняя из семьи. Убийство американского президента Кеннеди. Тревожно.

Воспоминания — часть сохранившегося личного архива, включающего семейные документы (самые ранние относятся к XVIII в.), переписку (с начала XX в.), записные книжки Журавлева 1950–1970-х годов, газетные вырезки, выписки из книг и журналов с комментариями Дмитрия Ивановича.

Важная часть архива — фотографии: отпечатки, пленки, стеклянные пластины (1910–1950-х годов) и их полный перечень с датами в особых тетрадах. Снимок — тоже дневниковая запись своего рода.

Припоминание, наблюдение, фотография составляют, наверное, основу внутреннего «записывающего устройства», с которым

мы имеем дело. Похоже, оно действовало всегда, не останавливаясь даже в самые страшные минуты, в последние часы жизни близких — смерть отца в 1956 г. и сестры в 1979 г. Журавлев фиксировал во всех подробностях.

Мысленное возвращение к прошедшему событию — родовая черта, которую Журавлев замечает в себе и отце и говорит о ней иногда иронически, понимая, что многократное возвращение способно трансформировать прошлое:

Результат таких изысканий, слишком по своему существу смыкающийся с тем, что Кони называет «мечтательной ложью», отражен в моей записи.

Отсюда, вероятно, желание опереться на документ, даже прямо включив его в текст воспоминаний, — и тем самым уберечься от «мечтательной лжи».

В воспоминаниях Дмитрия Ивановича есть не вполне обычная черта (может быть, несколько менее явная в сокращенном для публикации тексте): очень много описаний объектов материального мира. Книжки, которых в скопинском доме было мало, описываются очень подробно, вплоть до картинок и обложек. При доме в Скопине был сад и пчельник: Дмитрий Иванович приводит не только схемы сада с точными измерениями, но и дает историю каждой яблони, с объяснениями, почему выбрали тот или иной сорт, историю каждого улья, тем более что ульи были по большей части самодельными, Журавлевы иногда конструировали их сами. Описывается дом и история каждой комнаты — как она меняла хозяев, что из нее исчезло в голодные 1920-е годы, какие предпринимались попытки сделать жизнь удобнее.

Обилие предметов и их описаний поражает. Конечно, некоторые из этих описаний могут оказаться полезными для историка, допустим, скопинского краеведа. Но больше описаний иной природы — исторически вроде бы незначимого, случайного.

Вот пример, один из множества, но, кажется, очень выразительный. В конце 1970-х годов Дмитрий Иванович обводит контуры топорика, купленного его отцом в начале XX в. при строительстве нового дома. Ничего особенного в этом топорике нет. Но есть сильнейшее желание физически зафиксировать прошлое. Обычно Дмит-

рий Иванович это делает при помощи фотографий, но фотографии кажутся ему, видимо, чем-то недостаточно осязаемым.

Конечно, этому стремлению вспомнить прошлое до деталей на-прашивается естественное объяснение, и его предлагает сам автор. Довоенный мир вспоминается как погибший — и, несмотря на бедность, как мир устроенного, любимого быта. Но дело, возможно, не только в этом. В XIX в. чаще публично говорили про то, что считалось общеинтересным. В XX в. все больше утверждаются права личной, индивидуальной истории.

В дневниковой записи от 16 февраля 1977 г. Журавлев приводит точные сведения о том, за сколько именно (за гроши!) 45 лет назад продавали, уходя из Скопина, скопинские вещи, остатки прошлой жизни (зеркало — за 150 руб., гардероб, книжный шкаф, этажерка, письменный стол и мягкая мебель из зала — два кресла, шесть стульев (в хорошем состоянии, их берегли, стояли в чехлах, которые снимали лишь на праздники) — за 165 руб.).

Работа над воспоминаниями сопровождалась попытками «реконструкции» скопинского пространства в Москве, где сначала ютились в перенаселенных коммуналках с соседями (Лялин переулок, Зубовский бульвар).

География московских адресов семьи начала складываться еще в скопинскую пору. Точка отсчета — 1913 г. В этот год Дмитрий Иванович вместе с отцом навещали в Москве больного Сережу, старшего брата. Евангелическая больница, куда положили мальчика, находилась на Воронцовом поле. Сретенка, Варварка, Мясницкая, Лялин и другие старые московские переулки и улицы исхожены вдоль и поперек.

Именно тогда, может быть, начал складываться и дал о себе знать будущий «писательский почерк» Д.И. Журавлева: он регулярно отправлял открытки домой, а в них тщательно и подробно перечислял все — и городские картинки, и обстановку в гостинице, в мельчайших подробностях, «включая чернильницу и ручку».

...Ходили мы с папой по Москве. Были в Кремле: Соборы — Успенский с гробницей патриарха Гермогена, Архангельский с гробницей царевича Дмитрия, в память которого дано мне имя... Памятник Александру II, окруженный галереей; внимательно рассматривал все мозаичные портреты царей на потолке гале-

реи; очень интересовала мозаика: как из кусочков получается картина?

Спасские ворота — чрез них все проходили сняв шапку... Иверская часовня, где историческая Иверская икона Божией Матери и где непрерывно пелись молебны, всегда толпились богомольцы. Теперь эта икона в церкви у Сокольников, близ нас... Ходили по улицам. Сретенка. Лубянка. Немного Тверской. Мясницкая — почтамт, чайный магазин напротив, особенно живо украшенный... Стояли у витрины оптического магазина (на Лубянке?)²⁰.

Все внимание поглотил школьный телескоп: всю жизнь я любил звездное небо. «Что тебе купить на память? Выбирай!» — говорит папа. Но что можно выбрать? Кроме телескопа я ни на что не смотрел. Я понимал: 25 рублей расход для нас недопустимый. Так и промолчал. Пошли дальше...

Много лет спустя, в 1960-х годах, Журавлев тщательно записывал расположение звезд, наблюдаемых из окна городской квартиры и в Подмоскowie, сравнивал пейзажи звездного неба в разное время года. На даче в Покровке скопилась и целая коллекция оптических приборов — она стала совместным «хозяйством», которым пользовались сообща с зятем, Вс.Н. Некрасовым, любившим такие игрушки.

Уже москвичом Журавлев в 1920–1930-х годах не раз бродил тем же детским маршрутом в поисках Евангелической больницы. Так и не нашел. Зато почти ежедневно многие часы проводил в читальном зале библиотеки Высшего совета народного хозяйства, неподалеку на Варварской площади.

Вечерами высокие стрельчатые окна пропускали густой синий свет, а весной особенно хорошо в сумерках видна Венера.

²⁰ Оптический магазин фирмы «Е.С. Трындин и Сыновья», а также производство, располагались на Большой Лубянке, в нынешнем здании № 13. Фирма была одной из крупнейших компаний дореволюционной России, производивших оптические, физические, геодезические приборы, учебно-наглядные пособия и медицинские инструменты. С 1880-х годов в числе продаваемых фирмой астрономических инструментов появились и телескопы (см. подробнее: Трындин Е.Н., Морозова С.Г. Трындины // Московский журнал. 2010. № 3. С. 54–67; Челюканов А. Краткий очерк фирмы Е.С. Трындина С-вей по случаю 85-летия существования фирмы и 25-летия деятельности ее представителей братьев С.Е. и П.Е. Трындиных. М., 1894).

Эта «звездная картина юности, когда голову поднимал от стола с книгами», возвращается уже в старости, в Сокольниках. Запись от 11 января 1963 г.:

Святки. Ясно. Морозно. Луна. Иней. Из окон комнат волшебный вид <...> восход солнца за деревьями. Окна совсем не замерзают. Смотришь, как в кино. По утрам с подушки вижу Венеру — яркая рождественская звезда.

В 1962–1963 г. Журавлевы купили квартиру в кирпичной девятиэтажке в Сокольниках. Окна выходят на зеленый двор, посаженный тополями, березами. Рядом старинный парк. Стромынка близко, но движение транспорта почти не слышно. У Дмитрия Ивановича впервые за много лет появилось собственное отдельное восьмиметровое пространство.

Летом всегда снимали под Москвой дачу. Наведывались в Мещеры, о. Иоанн удил рыбу и размечал в «памятной книге» особые места в Судогде, на Клязьме, на Оке. Сначала, когда перевезли отца из Скопина, дача была в Обираловке. В блокноте Дмитрия Ивановича, среди описаний лосей, зайцев, кабанов, свободно разгуливавших у озера или в лесу, лежит листок, на котором переписана сцена гибели Анны Карениной с комментарием:

Читаю роман в третий раз. Созвучен настроению. Начинаю свое.

Видимо, именно в 1930-х годах, в Обираловке, а еще во время отпускных поездок в Коктебель (1932) и на Кавказ по Военно-Осетинской дороге (1934) Журавлев записывает первые «подневные отчеты».

После войны дачу снимали в Кратове. Неслучаен юго-восток: путь на Рязань и Скопин, о которых напоминали торфяные запруды, песок и сосны Казанского направления.

В 1960-е годы «кристаллизации внутренней работы» помогло — кроме освобождения от службы и обретения собственного угла в Сокольниках — еще и то, что опять появился свой «сад»: купили участок в Покровке (по Октябрьской железной дороге, несколько станций за Солнечногорском, не доезжая Клина). Как обычно, Дмитрий Иванович точно датирует события: первые смотрины «дачи» — 25 ноября 1962 г.: садовый участок 800 кв м и летний

стандартный домик. Покровку приобрели к Новому году благополучно, и сразу «окрестили» — «сад» (не «дача»), в память Скопина, где жили в доме Брежнева на 2-й Мещанской и имели сад на 1-й Новой.

Какое лето было первым в наших походах в сад? Два пути было: по Соборной — считали дальше, не мостовая, и по Успенской — в сырую погоду очень грязно! Это наши названия улиц, а настоящие — Садовая (вела к больнице) и Ряжская. Теперь их зовут иначе... Катя с 1921, я с 1922 г. жили на Покровке, Лялин пер., шестая комната за ванной. На Зубовский бульвар переехали в ноябре 1940 г. Теперь сад в Покровке. Престольный праздник в Журавинке (Лопатино тож). Покров праздновали у нас в семье, курники, поездки на Покров в Журавинку в детстве...

В 1981–1986 гг. один из авторов этой статьи бывал в Покровке. Дом не совсем обычный по тем временам, двухэтажный, на втором этаже комната с потолком низким и скошенным, зато два окна по разные стороны, что-то вроде балкона.

В ясную погоду сверху видно, как солнце за лесом садится. Крыльцо, вход на террасу не прямо, а сбоку. Там же, сразу от двери слева, лестница. Наверх можно подняться изнутри и снаружи по ступенькам. С террасы — дверь в комнату, внизу единственную. Она вытянута и непропорциональная. Перегорожена буфетом, шкафом, кроватями... Между печкой и простенком получилась выгородка, а в ней — внутренняя комнатка, совсем маленькая. Кабинет Журавлева. Стол из деревянных досок. Полки самодельные. На них инструмент, старые журналы, книги разрозненные, есть старые детские, тетради школьные, тонкие в выцветших обложках и «общие» в колленкоровых. Календари отрывные. На листах, в тетрадях, на оборотах лабораторных по физике и листов из методичек, рабочих материалов кафедры в институте землеустройства записи рукой Дмитрия Ивановича. На численниках старых особо отмечены восход и заход солнца, фаза луны. Много карандашей, простых, всегда заточенных; лежат по отдельности и стоят в деревянных стаканчиках, раскрашенных красными и золотыми цветами по черному фону. Готовальни — штуки три-четыре. На столе и на полке лампы: керосиновая с пересохшим ломким фитилем, несколько переносных электрических, со шнуром и штепсельной

вилкой. Весы самого разной формы, вида и размера — с чашечками латунными, гирьками и без них. Барометры. В комнате и на террасе — два, у входной двери и в дальнем углу, рядом с окном, где стоял набивной диван с продавленными подушками. Барометрам все нипочем: один всегда показывал «ясно», другой — приближение грозы.

Скопинский мир, жизнь прошедшая и жизнь настоящая сознательно и неосознанно соединились в вещах, звуках, цветах, запахах, восстанавливаемых, знакомых с детства привычках, оглядках, внезапных и невольных озарениях памяти. Весь этот оживший скопинский опыт проступает сквозь садовую и городскую повседневность. Возвращение Скопина, его «реконструкция» случились окончательно, когда Дмитрий Иванович и его сосед в Покровке, Арсений Тихомиров, школьный товарищ, снова, как в детстве, занялись разведением пчел. Пчеловодство — всепоглощающее занятие, оно требует особых профессиональных навыков, сноровки, глубокого понимания биологических законов пчелиного существа, сосредоточенности и дисциплины. Ошибка в этом деле стоит дорого и оборачивается полной потерей и гибелью роя. Журавлев неутомимо уделял много времени поискам «материалов», изучению специальной литературы, поездкам на выставки. Вдохновенно, педантично и неукоснительно строго строил ульи, занимался очисткой и подкормкой, переносил расчеты в тетради. Покровский подмосковный сад и сад скопинский, замещая друг друга, стали одним целым:

Падают яблоки и стучат, как в Скопине...

Чудесный, теплый, тихий вечер. Совсем как бывало в Скопине.

Одна из самых поздних записей сделана весной 1979 г., когда безнадежно болела сестра:

Покровка брошена. Ульи разорены. Конец покровского гнезда.

* * *

Текст, который предлагается в этой книге, — результат редакторского вмешательства. Например, то, что мы помещаем здесь в качестве финала (глава «Пчела. Конец»), строго говоря, нельзя назвать действительным финалом задуманного автором большого

текста. Машинописные воспоминания, как уже было сказано, заканчиваются смертью старшего брата. Сжатый рассказ о событиях 1931 г., когда отец автора, протоиерей Иоанн Журавлев, пережив арест, был вынужден бежать из Скопина в Москву, извлечен нами из рукописной тетради под названием «Пчела»: для Дмитрия Ивановича конец его семейного гнезда, скопинского дома, оказывается финальным эпизодом истории пчельника (а не наоборот).

Оригинальная рукопись содержит около 25 авторских листов, и мы были вынуждены иногда сокращать ее, в частности, потому что текст, над которым Дмитрий Иванович работал вплоть до своей тяжелой предсмертной болезни, видимо, не был завершен в чисто техническом отношении (например, он содержит много повторов, которые при подготовке к публикации, по возможности, опущены). Не все, кажется, даже и гипотетически предназначалось автором для чужих глаз, для публичного предъявления (резкие оценки частных лиц, очень детализированное описание болезни и смерти брата).

Журавлев вспоминает прежде всего для самого себя и рефлектирует над собственной памятью, сопоставляя сделанные в разное время записи об одном и том же очень важном событии; не просто фиксирует свои выводы, но показывает, как к ним пришел и, сделав неверное, как кажется ему самому, предположение, не просто вычеркивает его, а оставляет в тексте и дальше сам себя оспаривает.

Среди перепечатанных рукописных набросков самый большой — «Павелец», где описывается история семьи близких родственников Кормильцевых, живших в Павельце, одном из древнейших сел под Скопиным. Автор обдумывал этот текст в 1970-х годах, искал материалы. Например, о происхождении фамилии:

Вот эта легенда. Предок Кормильцевых в голодный год прокормил хлебом все село. И его односельчане иначе не называли, как «наш кормилец». Естественно, его семейные и потомки стали Кормильцевы. Кто же этот предок?.. Этот человек мог быть богатым хозяином, занимать общественную должность в 1830–1840-е, даже 1850-е годы.

Большое село Павелец, искони государственное, помещиков не знало, ибо волостное правление обычно находилось в наиболее крупном селении волости. И вот вопрос: мог ли даже богатый му-

жик во время голода прокормить большое село своими запасами? Ведь не был же он крупным оптовиком, ссыпщиком хлеба, не был и «епископом Оттоном»²¹. Обратимся к истории <...> Реформа Киселева проведена в 1838–1840 гг. Хлебные магазины устраивались как мера борьбы с голодом во время частых неурожаев. «...Магазины хлебные у нас в исправности... и законное количество хлеба имеется...» — читаем в «Записках охотника» Тургенева, отразивших быт села 1840-х гг. Это из рассказа «Однодворец Овсянников». Однодворцы при реформе Киселева приравнены к государственным крестьянам.

У меня сложилось такое представление: предок Василий как волостной старшина (тогда называли «волостной голова»), возглавлявший волостное правление, ведал киселевскими хлебными магазинами, даже возможно — сам устраивал их. И в голодный год он честно²² использовал запасы, быть может, добавив к ним и свои собственные. «Кормилец!» — звучит как любовное прозвище благодарных односельчан.

Я подчеркнул «честно», ибо время темное, бесправное, каждый самый мелкий чинуша мужику «начальник». И следствие бюрократизма при отсутствии гласности — произвол, воровство, вымогательства, продажность, взятки... На этом фоне добросовестный человек, конечно, особенно выделялся и заслуживал благодарности.

Так вот, думаю, легенда вполне естественно вписывается в рамки исторического прошлого и сама приобретает черты исторической достоверности (7 июня 1976 г.).

«Случай Кормильцевых» показателен. В черновиках видно, какой обширный исторический материал привлечен, с каким удовольствием погружается автор в лингвистические разыскания, объясняя не просто значение — этимологию слов, комментируя особенности живой речи. См., например:

...Для современных ученых деятелей в области языка наиболее характерные черты — пренебрежение информационным качеством языка и погоня за «правильностью», то есть за соответствием при-

²¹ Скорее всего, здесь Журавлев вспоминает Гаттона из «Суда Божьего над епископом» В.А. Жуковского.

²² Здесь и далее подчеркнуто Д.И. Журавлевым.

думанным нормам. Если для живого народного языка характерно стремление сократить (спасибо = спаси Боже, а местные даже — бознить = Бог знает, гыть = говорить...), то для искусственного ученого характерно стремление удлинить, восстановить первоначальное возникновение слова... К этой же категории «правильного» написания относится «двоюродный» вместо «двоюрный».

Кормильцевы мне — двоюрные. И о них я хочу написать немного о каждом в отдельности, что знал и что память сохранила. Порядок — случайный.

В центре главы — портрет Михаила Никифоровича Кормильцева, учителя рисования и чистописания, наладившего в Скопине распространение прописей собственного изготовления, фотомастерскую, в которой показывали снимки с помощью «волшебного фонаря». Немного «артист», надевавший «дворянский костюм», человек увлекающийся (избирался в местную Думу, но не прошел). Предприятия его, столь бурно начинавшиеся, рассыпались. Журнал «Пчельник» за недостатком подписчиков закрылся на втором номере. Не сумел он как следует поставить, сохранить и сберечь свое пчелиное хозяйство:

Причина неудач Михаила Никифоровича — в его недостаточной опытности, проще сказать — неумелости. Только предприимчивости и размаха мало.

Михаил Никифорович был важен для Журавлева по особым причинам, как человек писавший:

...Для «художественной» формы был у меня «образец»: статья М.Н. Кормильцева в его журнале «Пчельник».

В «Двоюрных» есть почти лесковские новеллы. Вот одна из них — история Петра и Леонида Кормильцевых:

Лето 1914 года — война. Петю забрали в первые же дни мобилизации и отправили в составе Зарайского полка в Ковель <...> В мае у речки Дунаец немцы прорвали фронт. Начался быстрый отход. Наша армия отступала с Карпат. Петя попал в плен. Выстроили немцы пленных и стали распределять на работы. Вызвали: «Кормильцев!» Вышли двое — Петя и Леня, добровольцем ушедший в армию из Оренбурга и служивший совсем в другом полку. Так встретились два родных брата. Не захотели расстаться, оба вме-

сте пошли на работу в крестьянское хозяйство немцев-швабов, колонистов в Венгрии, Темешвар. Лене — электромонтеру, способному человеку, было бы интереснее работать на заводе, там он мог бы приобрести квалификацию, но он не захотел расстаться с братом.

В семье швабов — культ труда, сытости и материального благополучия. Отношение к работникам — самое хорошее. Питание отличное. За обедом лучшие куски хозяин берет себе, потом работникам и уже только оставшееся — семейным, в том числе хозяйке. Посылая на работу в поле, давали работникам с собою свинины и прочей еды в таком изобилии, что те не съедали, остатки пленные зарывали в землю, чтобы не досталось врагам. Впрочем, Петя и Леня на такое обращение с харчем не решались. Ценили швабы и берегли рабочую силу! Весь уклад жизни для наших необычный. Без дела не сидят. Приходят гости, работу не прерывают, но гости включаются в помощь <...> Вернувшись из плена в 1918–1919 гг., добирались целый месяц. В пределах Австро-Венгрии эшелоны пленных на станции получали харч. Переехали границу — на каждой станции шумная встреча, забрасывали их газетами, брошюрами, воззваниями и... никаких пайков! Голодали отчаянно, да и власти по пути менялись <...> По своей земле целый месяц ехали...

Почему-то именно «Павелец» — глава, самая насыщенная преданиями. Журавлев вообще-то не склонен был увлекаться легендами, небылицами, передавать слухи и если обращался к ним, то очень дозированно, неизменно сопровождая проверкой, доказательством и скептическим замечанием. А в той главе преданий немало. Потенциальная «художественность» просилась на бумагу. Не потому ли автор не перепечатал рукопись?

В Павельце жил знаменитый человек Максим Синичкин. Это что-то вроде московского «Ивана Яклича»²³, сектант — не сектант, юродивый — не юродивый. В моем представлении — человек умный. Он пользовался громадным авторитетом в народе. К нему шли во всяких трудных случаях жизни за советом, за пророчеством. Его почитали множество поклонников и особенно по-

²³ Иван Яковлевич Корейша (1783–1861) — юродивый, почитаемый многими современниками в качестве ясновидящего.

клонниц <...> Помню одно его пророчество. В разгар гражданской войны и разрухи он говорил: Россию спасут двое — дворянин и попович. Пророчество исполнилось: одну из двух мировых «сверхдержав» создали дворянин Ленин и попович Сталин...

Это последнее замечание нельзя оставить без внимания. Дмитрий Иванович не противопоставлял себя советской жизни, что особенно заметно в письмах и дневниках. Сравнивая себя и одного из своих ровесников Кормильцевых, Журавлев пишет:

Разные мы с ним люди. Я смотрел на вещи с точки зрения интересов народа и свою будущую деятельность хотел посвятить служению обществу. Брат оспаривал. Единственный интерес в жизни он видит в служении лично себе, в своей личной материальной пользе <...> И если он сторонник советской власти, то только потому, что на этом пути он сможет построить личное благополучие; до других ему дела нет...

Заметим, что в белой машинописи воспоминаний — об этом предоставляем судить читателю — есть и другое, иногда резко критическое отношение к советской жизни, причем не к частностям ее, а к общему духовному состоянию («одичание»); впрочем, дореволюционную Россию (особенно официальную идеологию, систему образования) Журавлев тоже не идеализировал.

* * *

Публикаторы должны признаться, что они не только выбрали, что печатать, а что нет, но и придумали название книги. Собственного названия воспоминания не имеют (хотя отдельные главы озаглавлены), потому, видимо, что автор не готовил их к публикации. Выбранное нами — «Скопинский помянник», — отсылая к одной из главных для автора семейных реликвий, должно было (хоть слово здесь и употреблено метонимически) давать представление о природе книги, выросшей из разных «документальных» жанров: писем, дневниковых записей, того же семейного Помянника в прямом смысле слова.

Трудно сказать, насколько определенными были представления автора о предполагаемом читателе. Понятно, что о печатной книге

в сколько-нибудь обозримом будущем речи не было²⁴. При этом некоторым близким людям Дмитрий Иванович давал читать написанное (и иногда наводил у них справки: у Татьяны Владимировны Розановой — из истории церкви). В воспоминаниях много объяснений старых реалий, слов, т.е. того, что предполагается непонятным читателю в 1960–1970-х годах (например, элементы богослужения). Получается, что воспоминания обращены и к «чужим», к людям другого поколения и советского воспитания, к кому-то вроде его студентов.

Дмитрий Иванович Журавлев умер 15 июня 1979 г., вскоре после смерти своей сестры, Екатерины Ивановны Журавлевой, и похоронен рядом с ней на Долгопрудненском кладбище.

Г.В. Зыкова, Е.Н. Пенская

да думаешь
 думаешь там и дядя и мама

 входишь
 и пёс²⁵ и кот спит и видит
 сад
 нас в саду
 весна
 всюду
 яблони
 и это всё здесь
 цветет

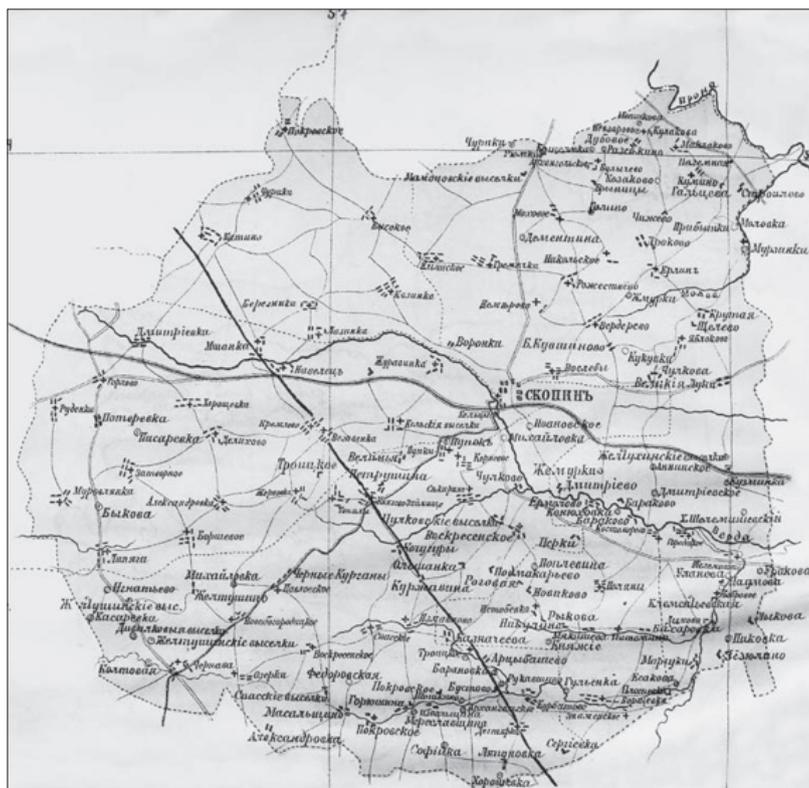
Вс. Некрасов

²⁴ Первые попытки публикации были предприняты нами только в 2012 г.; см.: Журавлев Д.И. Жизнь как свеча // Отечественные записки. 2012. № 2 <<http://www.strana-oz.ru/2012/2/zhizn-kak-svecha>> (последнее обращение 25 мая 2015).

²⁵ Эрдель, погиб в 1969 г. — *Примеч. изд.*

Глава первая

Родословная

ИСТОЧНИКИ

Источники моих сведений о далеком прошлом: Рассказы бабушки Настасьи Ивановны. Когда-то я спрашивал ее о временах прошедших, но не записывал, и многое забыто.

Рассказы тети Анны Дмитриевны о старине. Она любила сопоставить прошлое с современным и часто говорила: «*В старину* делали так...», «*В старину* не так было...». Помню и наш детский недоуменный вопрос: «Тетя, когда старина кончилась?».

Воспоминания папы Ивана Дмитриевича позднего времени.

Родословная таблица. Ее я составил с помощью папы 9 января 1955 г. Годы рождения и смерти поставлены позже.

Бумаги и документы, перешедшие в мое распоряжение после смерти папы. Среди них «Помянник священника Пятницкой города Скопина церкви Иоанна Дмитриевича Журавлева» — книжка в осьмью долю листа, знакомая с детства. Помню: папа сидел за своим письменным столом, тем самым, за которым я в саду в Покровке¹ пишу эти строки (17 июня 1969 г.); Сережа и я у него на коленях; эта книжка и карандаш в моих руках, и я в ней «написал»; «писал», возможно, и Сережа — начеркано на нескольких страницах. В Помяннике перечень имен умерших, в родительном падеже: «Помяни, Господи, души усопших раб Твоих...». Все они прочитывались за Литургией, когда служил сам папа. <...> На полях не всюду — даты смерти и иногда фамилии. Поэтому я знаю время смерти многих мною упоминаемых, но не знаю дат рождения. Большинство имен мне ничего не говорит.

Сохранилась переписка с Сережей, когда он лежал в московской больнице, и мои записи о его смерти. В начале 50-х годов я перепечатал на машинке письма и записи о смерти Сережи, бабушки, тети, последнее письмо дяди Паши.

Старые письма. Их сохранилось мало.

¹ Имеется в виду дачный участок по Ленинградской железной дороге, который был у семьи Журавлевых в 1960–1970-х годах. — *Примеч. публ., как везде далее, кроме специально оговариваемых случаев.*

СТАРШИЕ

Вот родословная нашей семьи.

Фома Алмазов — дьячок в с. Журавинка.

Максим (1756–1836) — дьякон в Журавинке.

Федор Журавлев (1797–1877) — дьякон на месте отца.

Дмитрий (1833–1910) — дьякон на месте отца.

Иван 1874 (1956) — священник в г. Скопине. <...>

Фамилия вначале **Алмазовы**. Но в семинарии мудрое начальство спросило — откуда, и узнав, что из Журавинки, изрек: ты будешь **Журавлев**. Это рассказывала бабушка. Но о Федоре или Максиме — не могу сказать². <...>

18 ноября 1846 г. указ Синода запретил произвольно менять фамилии лиц духовного происхождения. Обязал сохранять за каждым фамилию отца.

«Чтеца Фомы» — записано в Помяннике. <...> В Помяннике среди старшей родни есть «свещеносец Василий». В родословной таблице его нет, и степени его родства я не знаю.

Фома, дьячок при церкви в селе Журавинка, жил в XVIII в. Каких-либо сведений о нем, даже имени его жены, не сохранилось.

Сын Фомы Максим умер 80 лет 23 июня 1836 г. Значит, родился в 1756 г. Его жена — Пелагея. Он был дьяконом в Журавинке же. <...> Усадьба на том же месте, где жил и его внук Дмитрий Федорович, наш дедушка.

Предо мною рукописная книга «Служебник». Очень изношена. От первого листа обложки осталось только две трети; на обороте

² В «Ведомости о числе церковных служителей и их семейств» за 1833 г. подпись: «диакон Федор Максимов руку приложил» ((Государственный архив Рязанской области (в дальнейшем ГАРО). Ф. 636. Оп. 1. № 43. Л. 28), в ведомости 1848 г. — уже «диакон Федор Журавлев», в ведомости за 1851 г. — такая же подпись с примечанием о полученном образовании: «Из Высшего отделения Рязанского училища» (л. 74). Никаких следов Алмазовых в Журавинке-Лопатине в этих ведомостях нам найти не удалось. В списках окончивших Рязанскую духовную семинарию с 1816 по 1840 г. нет ни Алмазовых, ни Журавлевых (кроме какого-то Ивана Журавлева, учившегося в 1830–1932 гг., — семейный Помянник о нем не говорит) (списки см. в кн.: История Рязанской Духовной Семинарии. Составил Димитрий Агнцев. Рязань, 1889).

что-то написано карандашом, не могу прочесть. На 1–4 стр. выцветшими чернилами написаны молитвы заупокойной службы. На середине 4-й стр. черта карандашом и ниже карандашная запись:

Сем рублей 3 руб. 55 к. 3 руб. 50 к. 3 руб. 25
4 руб. 60 к. 3 руб. 50 к. 2 руб. 70 6 руб. 42 2 ру. 37 к. 3 руб. 75 к.
1 руб. 75
2 руб. 30 к. 1 руб. 80 к. 2 руб. 30 к. 2 руб. 2 руб.30 к.
Всех денег получ пятьдесят три рубля.

Я подсчитал: в сумме получается 53 р. 09 к. На пятой стр. карандашом:

диакон Максим Фомич помре 1836 года месяца июня 23-го дня.
Попадья берзнеговская помре 1839 года июня 8-го.

Ниже начеркано детской рукой. Кто писал карандашом? Сын Федор или внук Дмитрий, наш дедушка? Кто это — берзнеговская³ попадья, и почему не упомянуто ее имя?..

Написана книга Максимом. Когда? При царице Екатерине. В ектениях перечислены все дети Павла, кончая Марией, родившейся в 1786 г. Позже всюду вставлена Екатерина, родилась в 1788 г. Считаю: написана около 1787 г.

Рукопись Максима у нас самая древняя семейная вещь.

По книге этой служил и он сам, и его сын Федор, и его внук Дмитрий, наш дедушка, — три поколения. <...>

ДЕДУШКА ДМИТРИЙ ФЕДОРОВИЧ

Дмитрий Федорович Журавлев родился 22 октября 1833 г. Ему не было трех лет, когда умер его дед Максим Фомич. Быть может, в этом причина — в семье не сохранилось рассказов о далеком прошлом.

Учился Д.Ф. в Скопинском духовном училище. После — в Рязанской семинарии. В Рязань и на каникулы из Рязани ходили пеш-

³ В селе Березняги, и сейчас существующем под тем же названием, в 1813–1855 гг. служил Илья Максимович Журавлев — видимо, сын Максима Фомича. Не его ли жена тут имеется в виду?

ком — около 100 верст. Однажды в пути бешеная собака искусала его товарища. Шли вдвоем. Товарищ погиб. От семинарских времен у нас сохранился дедушкин учебник догматического богословия изд. 1852 г.⁴ Д.Ф. был уже в пятом классе, а всего шесть. На пасхальные каникулы в половодье шел домой пешком и простудился. Вернулся в семинарию с опозданием. Был уже уволен: приезжал из Питера ревизор, распорядился уволить всех, не явившихся после каникул в срок. Уволили, не разбираясь в причинах. Начальство не посмело восстановить. Надо было хлопотать. Дома отец настоятельно рекомендовал бросить ученье с тем, чтобы передать ему свое дьяконское место: четыре класса семинарии давали право занять должность дьякона. А Федору Максимычу очень необходимо было передать свое место одному из сыновей. Только при этом условии он, оставив по старости лет службу, мог жить до смерти в своей избе сам и его семья, пользоваться усадьбой на церковной земле. Пора было подумать об этом: ему уже около 60 лет. Так Д.Ф. и не доучился в пятом классе.

До посвящения в дьяконы надо жениться. Вместе со своей сестрой Ольгой в качестве свахи (значит, она старше Дмитрия, обычно свахи — женщины в годах) Д.Ф. объехал смотреть 12 невест. Выбор пал на Настасью Ивановну Глебову, дочку дьячка в с. Корневом⁵, — красивая, умная, с твердым характером. Впрочем, тог-

⁴ Видимо, кн.: *Антоний (Амфитеатров Я.Г.)*. Догматическое богословие православной католической церкви, с присовокуплением общего введения в курс богословских наук, составленное ректором Киевской духовной семинарии. М., 1852.

⁵ Существует и сейчас под тем же названием. В часто упоминаемой у Дмитрия Ивановича «географии Семенова» о нем сказано: «Самое значительное из сел <...> есть волостное селение Корнево (2300, волостное правление и две школы)» (*Семенов В.П.* Россия: Полное географическое описание нашего отечества. Т. 2. СПб., 1902. С. 487). У И. Добролюбова: «Корнево <так> в качестве села с Борисоглебскою церковью упоминается до 1592 г. в числе вотчин арх. Рязанского Митрофана. В окладн. кн. 1676 г. при церкви показано “церковныя пашни двадцать четвертей в поле <...> сенных покосов на тридцать копен, а в приходе 60 дв. драгунских и 7 бобыльских”. По окладу 1676 г. с Борисоглебской церкви дани положено было “рубль двадцать четыре алтына две деньги. А прежняя дани было тридцать четыре алтына две деньги”. Вместо упоминаемой в XVII ст. и обветшавшей церкви в 1775 г. поставлена была

да была совсем девочкой, едва минуло 16 лет. Свадьба состоялась в мае 1858 г.

В Журавинку, в новую семью 16,5-летняя «молодая» повезла с собой и свои куклы — для себя, еще не могла с ними расстаться. В числе приданого привезли из Корневого и пчелу, несколько дуплянок. С тех пор Д.Ф. пчеловод. Пчеловодство в дуплянках, пассивное. Каждый рой сажался отдельно, в пустую дуплянку. На зиму — много ульев. Весной — мало. Гибли зимой. Меду ломали мало, уничтожая более медистые семьи пред 1 августа — *медовым Спасом*. Считали — в Журавинке плохой взяток.

Мне не известно, когда Д.Ф. посвящен, когда начал служить. Возможно, уже в 1858 г., ибо его отцу был уже 61 год, и он по возрасту мог выйти за штат.

26 августа 1955 г. папа вспоминал журавинскую семью, своих братьев и сестер. С его слов я тогда записал: 70 рублей получил дедушка Д.Ф. за первый год своей службы. А сосед Михалыч (псаломщик М. Камнев) — 35 рублей. Рассказывала это и бабушка, называя сумму 60 рублей. По ее словам, подведя итог, дедушка сказал: «Слава Богу! Можно будет сынка содержать в семинарии». Когда-то, записывая в своей тетради, я стал сомневаться: ведь у них и сына тогда не было, разве лишь дочь Елизавета. Но нет, бабушка права: молодые люди мечтали иметь сына и хотелось очень — дать ему образование.

Этот рассказ наводит на мысль, не Д.Ф. ли вписывал карандашом в «Служебник» Максима. Если он, то понятен смысл записи денежной, с подведением итога: «Всех денег получ. пятьдесят три рубли». Это может быть тот доход за первый год службы, о котором идет речь. Чрез долгие годы забыто точно: 70, 60 или 53. Потому

новая также деревянная и в прежнее храмонаименование, вместо которой существующая ныне каменная Борисоглебская ц. об одном престоле построена в 1872 г. Земли при ней числится 36 дес., но из них 2 дес. находится под большою дорогой, идущей из Скопина в Данков. При 300 дворах в приходе числится м. п. 1009, ж. п. 1071. Школа существует с 1842 г., открытая от Палаты государств. имуществ. По штату 1873 г. в причте при Борисоглебской церкви положены 1 свящ. и 1 псал.» (*Добролюбов И.*, свящ. Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии, ныне существующих и упраздненных, с списками их настоятелей за XVII, XVIII и XIX ст. Т. 2. Рязань, 1885. С. 171).

и помнили, что было записано в книге, которой дедушка пользовался. Потому и сыну рассказывали, объясняя запись. Конечно, можно бы сравнить почерк с заведомо дедушкиным. А молитвы вписаны другой рукой. Не Федор ли?

Когда я читаю мемуары того времени, как люди проигрывали в карты сотни и тысячи, как Лев Толстой бросал демонстративно золотой уличному музыканту, я всегда вспоминаю эти 60 рублей в год. Русское православное духовенство! *Благочестивейшие*, самодержавнейшие государи, о которых это духовенство так много молилось! Зимой — лучина, свечек у нас сохранился. Когда купили керосиновую лампу? Папа ее помнил, эту первую лампу: пятилинейная жестяная.

Д.Ф. глубоко религиозный человек, ревностный служака, любил благолепие церковной службы, с полной серьезностью и добросовестностью относился к своим обязанностям. И в этом отношении был требователен и к себе и к другим. Сын прошел его школу и наследовал эти качества. По отзывам папы и тети, Д.Ф. хорошо пел, они любили слушать пение в церкви, службу. В школе он был бесплатным учителем пения. Голос — баритон. Никогда я не видел и не слышал его службы, не слышал его пения.

Когда приезжали в Журавинку, обычно в праздники, в церковь нас не водили: многолюдно. Припоминаю, как-то были, но кроме спин я ничего не видел. Ходили раз посмотреть свадьбы на Покров. Одновременно венчали в разных местах церкви: свадеб много. Масса ярко разряженной сельской публики. Сутолока. Сам я помню глуховатый старческий голос дедушки в разговоре. Впрочем, беседовать мне с ним не довелось, не помню. Он сел на лавку с краю стола, меня сажали рядом с ним справа. Он угощал меня, тыкая вилкой в лучшие кусочки на общей тарелке, предлагая взять, называл «Митюшка». Помню, как с недоумением и мучительно раздумывал я, смотря сбоку на дедушку, на синюю жилу на его виске: как это может быть, вот это живое, и вдруг будет мертвым, не двигаться, ничего не чувствовать. Очевидно, дома у папы и тети были разговоры о возможной смерти дедушки.

Еще помню: дедушка и бабушка приехали к нам под праздник, все пили чай и ушли в церковь — всенощная. Остались я и дедушка. Почему-то со стола не убрали. Я решил навести порядок и стал

мыть посуду. Папа пил из больших чашек, бокалов, как мы их называли: с большим блюдцем и крышкой, ее, впрочем, не применяли. Стал вытирать — бокал развалился. Я в ужасе: разбил — наказание, не докажешь, что не шалость. Пошел объявить дедушке, а тот меня поразил: принял столь важное известие с полным равнодушием, отнесся к событию как к пустяку, не стоящему разговора. Только всячески успокаивал меня. Когда пришли наши, мне никто ни слова не сказал. Очевидно, дедушка предупредил.

И еще один приезд его в Скопин запомнился. Дедушка слушал впервые наш граммофон и все засматривал в трубу. Мы, ребятишки, думали: хочет увидеть там человека, который поет. Было это в зале брежневского⁶ дома.

Но все это уже когда-нибудь около 1906–1909 гг.

Вот хронология основных событий в жизни Д.Ф.

1858, май — свадьба.

1859 — родился первый ребенок, Елизавета.

1877 — смерть отца, Федора Максимыча.

1878 — свадьба дочери Елизаветы.

1879 — смерть матери.

1879 — за шесть дней умерли четверо детей.

1880 — закрыта должность дьякона в Журавинке, Д.Ф. переведен в г. Раненбург, где он пробыл несколько менее года.

1883 — родился последний ребенок, Екатерина.

1883 — сына Ваню отдали в Духовное училище.

1886 — свадьба дочери Ольги.

1891 — смерть псаломщика Михалыча — М.М. Камнева. Его заменил его сын Павел, позже — Алексей.

1895 — сын Иван окончил семинарию и с 1896 г. учитель в журавинской школе.

1897 — 1 сентября умер священник Иван Вышатин⁷, с которым вместе так долго служили. Новый — молодой Василий Иваныч Кобозев, женившийся на дочери Вышатины, Варваре.

1897 — смерть младшей дочери Кати. С родителями остались двое детей: Аня, Ваня, оба взрослые.

⁶ То есть дома, который Журавлевы снимали у купца Брежнева, старосты скопинского собора (он упоминается и ниже).

⁷ Иоанн Козьмич Вышатин — священник Покровской церкви с 1855 г.

- 1899 — свадьба сына. Его посвящение и отъезд в Телятники. С родителями осталась одна дочь Анюта.
- 1904 — смерть нашей мамы и переезд тети Анюты в Скопин. Остались в Журавинке вдвоем.
- 1906 — поздно осенью перевезена пчела в Скопин: *конец* журавинскому пчельнику, 48-летнему.
- 1908, май — *золотая свадьба* — 50 лет со дня свадьбы Д.Ф. и Н.И. Мы были в Журавинке. Папа привез бутылку шампанского — вино французское, дорогое, бутылка пять рублей золотых. Тетя не смогла выпить, стошнило. Она никогда никакого вина в рот не брала.
- 1910, 20 апреля, 10 1/2 ч. утра — смерть. Пасха была 18 апреля. На Страстной неделе простудился, получил воспаление легких и умер во вторник пасхальной недели... Я впервые был на похоронах. Трогательная музыка похоронных песнопений, перемежавшихся пасхальными напевами, оставила глубокое, потрясающее впечатление. «Благословен еси, Господи...», «Со святыми упокой...», «Вечная память...». <...>

Здесь, в этом хронологическом перечне, я опустил даты рождения и смерти детей. Всего их было 14. И только четверо дожили до старости. Тетя помнила всех по порядку рождения, я от нее когда-то твердо знал, но забыл. Папа в старости не помнил... <...>

23 июня 1969 г., Покровка

РОДНЯ БАБУШКИ

Бабушка Настасья Ивановна Журавлева родилась осенью (именины 29 октября) 1841 года в с. Корневом, умерла в 10 ч. 10 мин. вечера 10 мая 1922 г. в Скопине. Ее отец Иван Петрович Корнев — дьячок церкви в с. Корневом⁸. О его отце, своем деде, бабушка говорила — был священник. И в Помяннике записано: «иерей Петр». Но сама она его не знала. Настя последний и поздний ребенок в семье. Ее мать Елена умерла вскоре, и девочка росла без матери. <...> Иван Петрович <...> умер в июле 1866 г. <...> Два внука сестры

⁸ В «Ведомости о числе церковных служителей и их семей» (ГАРО. Ф. 636. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 7) за 1848 г. «руку приложил» «дьячок Иван Петров Корнев».

Анастасия Ивановна Журавлева

Прасковьи, Николай⁹ и Иван Виноградовы, старше папы: в годы поездок в Троице-Сергиеву Лавру к дяде Павлу первый из них уже профессор, второй — врач. Думаю: год рождения И.П. 1785–1790.

⁹ Виноградов Николай Дмитриевич (1868–1936; похоронен на Новодевичьем, 4-й участок, 9-й ряд) — историк философии, психолог, теоретик педагогики. Окончил Московскую духовную академию и Московский ун-т (историко-филологический и естественный факультеты). Редактор философского отдела «Критического обозрения» (1907–1909). Преподаватель Московских высших женских курсов, в 1919 г. — декан исторического ф-та МПГУ, впоследствии профессор 2-го МГУ. Труд Виноградова об эмпиризме Д. Юма до сих пор не утратил научного значения (переиздан в 2011 г.).

Он был пчеловодом, наследственным, как считала бабушка. Из Корневого несколько ульев-дуплянок, как их у нас еще с корневских времен называли, привезли в 1858 г. в Журавинку в качестве приданого. Среди них громадная колода «Большак», в 1906 г. перевезенная к нам и бывшая с пчелой и в Скопине вплоть до перехода на рамочные ульи. Имя «Большак» дано еще в Корневом.

У нас сохранилась стеклянная чайница на фунт чаю. Ее из Корневого прислал в Журавинку Иван Петрович с медом. Она была чайницей в Журавинке, стояла в шкафу в горнице, переехала с бабушкой в 1910 г. в Скопин, в ней хранили запасной чай. И сейчас она у нас с запасом чая. Да! Вот более ста лет хранится вещь в нашей семье. А ее хозяйина давно нет в живых. Нет и людей, его видевших. Образ его ушел навеки. Портрета нет и не было. <...>

По рассказам бабушки, И.П. выделялся большим умом. К нему и прошедшие курс семинарских наук священники приезжали советоваться в трудных случаях жизни. Это качество по наследству от него получили Феофан, Павел, Настасья...

Как жили? Только один факт мне известен: зимой в морозы при надобности Настя бегала к соседям босиком по снегу.

Взрослых детей было восемь человек: шесть сыновей, две дочери. <...>

Сыновья Феофан и Павел начали самостоятельную жизнь монахами. Позже архимандрит Феофан — настоятель Звенигородского Саввы Сторожевского монастыря, архимандрит Павел — наместник Троице-Сергиевой Лавры¹⁰. <...>

Старшая дочь, Прасковья Ивановна, вышла замуж за чиновника (в Рязани?) Ивана Иваныча Европина. У нее была одна взрослая дочь Мария. Муж Марьи Ивановны, Дмитрий Виноградов, два ее сына — Николай и Иван — постоянные «гости» у архимандрита Павла в Лавре.

Младший брат Григорий категорически отказался учиться. «Хоть убей — учиться не буду!» — заявил он в семье. Человек с характером, как, по-видимому, и вся семья, он сумел настоять на своем. Дети духовенства, не оставшиеся на службе в церкви и непригодные к службе гражданской, например, по неграмотности, должны были приписаться к податному сословию крестьян, ме-

¹⁰ Подробнее о них см. ниже.

Старое кладбище в Журавинке, 1954 г.

щан, купцов. Григорий Иваныч под фамилией Глебов¹¹ приписался к крестьянскому обществу в Новикове¹². Эта деревня, по-местному величаемая Виниково, — сросшийся с Скопиным пригород. Усадьба Глебовых на правом берегу Вёрды, у самой реки, по большой дороге в Журавинку. <...>

Семья занималась огородами, извозом. Солили огурцы, в дубовых бочках опускали на дно Вёрды. Весной, когда огурцы дороги, продавали. Огурцы превосходные, качество обеспечивал способ хранения. В подарок нам, скопинским, осенью привозили капусты, огурцов для заготовки впрок на зиму.

Глебовы занимались извозом. На моей памяти молодые ребята Миша и Гриша в качестве извозчиков стояли с пролетками в

¹¹ Собственно, фамилию Глебов носили и братья Григория — Петр (о. Павел) и Борис (о. Феофан), следовательно, несколько загадочная перемена Корневых на Глебовых не может объясняться ни решением семинарского начальства, ни сменой сословия. Возможно, «Корнев» воспринималось не как фамилия, а как простое указание на место — «люди из Корневого» — и именование Глебовыми воспринималось как акт не перемены фамилии, а ее первоначального присвоения.

¹² Сейчас существует под тем же названием.

Скопине на бирже. Свободные извозчики, ожидая ездоков, стояли обычно около магазина Черкасова. Случалось, и мы брали их съездить в Журавинку.

Возможно, и теперь в Новикове на берегу Вёрды живет их потомство. Впрочем, столько пережито крестьянами за последние 40 лет, что, может, и никого не осталось. <...>

16 июня 1969 г., день моих именин

БАБУШКИНЫ РАССКАЗЫ ИЗ КОРНЕВСКОЙ ЖИЗНИ

Имярек проснулся ночью, услышав свист. Вышел на улицу и видит: бежит несметное множество крыс, а среди них — старик в белом и на белом коне, едет и насвистывает: он переводил крыс в другое место.

Изымались из обращения медные деньги. Имярек *целый* воз нагрузил медью — обменивали в городе. Так дешево были эти деньги. <...>

24 нояб. 1969 г.